
АРИНА ВОЛЬСКАЯ
РАЗВОД В 50.
ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА
ЖЕНЫ
КОГДА ЛЮБОВЬ УХОДИТ,
начинается жизнь

Арина Вольская

Развод в 50. Четыре Месяца Жены

«Литнет»
2026

Вольская А.

Развод в 50. Четыре Месяца Жены / А. Вольская — «Литнет», 2026

Мне исполнилось пятьдесят, когда муж сделал мне самый запоминающийся подарок.— Я люблю другую, Лариса. Но нам нужно ещё четыре месяца побыть семьёй.Двадцать семь лет брака. Полтора года измены. Тридцатилетняя любовница. И просьба, от которой у меня сначала даже не нашлось слов.Мой муж — известный семейный психолог. Он учит других сохранять любовь, пишет книги о счастливом браке и рассказывает тысячам женщин, как переживать кризисы отношений. А через четыре месяца нас ждёт большое мероприятие, посвящённое тридцатилетию нашего знакомства.Поэтому Артёму очень нужно, чтобы я улыбалась рядом с ним.Чтобы молчала о любовнице.Чтобы позволила ему красиво объяснить публике наш развод.Вот только за двадцать семь лет муж так и не понял одну простую вещь.Я больше не обязана быть хорошей женой человеку, который перестал быть хорошим мужем.

© Вольская А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Четыре месяца жены 5
Глава 2. Подарок на пятьдесят 24
Глава 3. Наша счастливая семья 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Глава 1. Четыре месяца жены

Лариса поставила на стол вторую тарелку, посмотрела на неё несколько секунд и только потом вспомнила, что Артём предупреждал о поздней съёмке. Тарелка была белая, из старого сервиза, который они покупали ещё в начале двухтысячных, когда впервые смогли позволить себе вещи не потому, что они дешёвые, а потому, что нравятся. На краю давно появилась тонкая трещина, похожая на седой волос. Артём несколько раз предлагал выбросить весь комплект и купить новый, но Лариса каждый раз откладывала это на потом. Сервиз пережил три квартиры, ремонт, две разбитые чашки, один переезд и двадцать с лишним лет их семейной жизни, поэтому менять его только из-за маленькой трещины казалось ей какой-то совершенно бессмысленной расточительностью.

Она всё-таки оставила тарелку на столе. Если Артём вернётся голодным, разогреет мясо сам, а если нет, утром она уберёт всё в холодильник. Накрывать еду плёнкой прямо сейчас не хотелось: Лариса знала мужа достаточно долго, чтобы представлять, как он войдёт в квартиру, снимет ботинки возле двери и прежде, чем повесить пальто, заглянет на кухню. Потом обязательно скажет, что ничего не хочет, выпьет стакан воды, постоит у холодильника и минут через пять всё равно спросит, осталось ли что-нибудь поесть. Так происходило после каждой поздней съёмки, после эфиров, презентаций и выступлений. Артём утверждал, что перед камерой есть невозможно, потому что на полный желудок ему тяжело говорить, зато домой возвращался с таким аппетитом, будто весь день разгружал вагоны.

Телефон лежал возле сахарницы экраном вверх. Было без двадцати одиннадцать. Последнее сообщение от мужа пришло почти три часа назад: «Задерживаемся. Не жди». Лариса прочитала эти два слова снова, хотя прекрасно помнила их, и усмехнулась. Не ждать Артёма она так и не научилась. Иногда ложилась спать, конечно, особенно если утром нужно было рано вставать, но всё равно прислушивалась во сне к щелчку замка и просыпалась, когда он тихо проходил по коридору. За двадцать семь лет человек превращается в набор звуков, которые тело распознаёт лучше сознания: в характерный стук ключей о деревянную полку, тяжёлый шаг после долгого дня, шорох снятой куртки, кашель из ванной. Лариса могла не слышать грозу за окном, зато просыпалась, если Артём ночью открывал дверь холодильника.

На кухонном столе, возле второй тарелки, лежал список продуктов на завтра. Сыр, виноград, хлеб из пекарни на углу, две бутылки вина, минеральная вода и тот самый торт, который уже стоял на нижней полке холодильника в огромной картонной коробке. Пятьдесят лет Ларисе должно было исполниться завтра, хотя само число пока воспринималось чем-то вроде чужого возраста, который по ошибке приписали ей в документах. Сорок девять ещё каким-то образом сочетались с человеком, которого она видела в зеркале каждое утро. Пятьдесят звучало иначе. Солиднее, тяжелее и почему-то предполагало наличие ответов на вопросы, которые Лариса по-прежнему откладывала на потом.

Праздник они решили сделать маленьким. Артём в последние месяцы слишком уставал от людей, а Ларисе совершенно не хотелось превращать собственный день рождения в ещё одно мероприятие с фотографиями, тостами и знакомыми мужа, которые сначала спрашивают, как поживает именинница, а через две минуты начинают рассказывать, какое прекрасное выступление Артём провёл в Казани. Пригласили только нескольких друзей, двух Ларисиных коллег и семейную пару, с которой когда-то ездили отдыхать. Артём сам предложил отметить дома. Сказал, что хочет хотя бы один вечер провести не «Соколовым, которого все знают», а просто мужем Ларисы.

Она тогда засмеялась и ответила, что дома он прежде всего человек, разбрасывающий носки возле кровати. Артём обиделся понарошку, поцеловал её в висок и торжественно поклялся ради юбилея складывать носки исключительно в корзину для белья. Это было неделю

назад. Обычный вечер, обычная кухня, обычный разговор людей, которые прожили рядом столько лет, что перестали замечать большую часть собственной близости.

Лариса взяла со стола его чашку и понесла к мойке. На дне остался тёмный след утреннего кофе. Артём снова поставил её рядом с раковиной, а не внутрь посудомоечной машины, хотя Лариса раз сто объясняла ему, что чудесных домашних существ, переносящих чашки самостоятельно, в их квартире не водится. Она открыла машину, поставила чашку к остальной посуде и почувствовала знакомое раздражение, настолько привычное и домашнее, что оно даже успокаивало. Вот такие вещи и составляли брак после двадцати семи лет: не только фотографии на годовщины, поездки к морю и слова о любви, но и чужая чашка возле раковины, которую ты молча переставляешь туда, куда человек мог бы поставить её сам.

Детей в этой картине никогда не было. Когда-то отсутствие ребёнка занимало слишком много места между ними, потом постепенно перестало занимать вообще какое-либо. Были врачи, надежды, одна беременность, закончившаяся настолько рано, что Лариса долго не знала, имеет ли право считать её потерей, а затем ещё несколько лет попыток. В какой-то момент Артём первым сказал, что устал смотреть, как каждый новый месяц превращает её лицо в ожидание, а затем в горе. Они сидели примерно на этом же месте, только кухня была другая, маленькая, с жёлтыми шкафчиками и холодильником, который гудел по ночам. Артём тогда взял её за руки и сказал, что семья не становится ненастоящей только потому, что в ней двое.

Лариса плакала у него на плече, потом они долго учились не воспринимать каждую чужую коляску как напоминание о собственной неудаче. Прошло время. Боль действительно отступила, хотя иногда возвращалась совершенно неожиданно, например, когда какая-нибудь молодая коллега жаловалась на бессонные ночи с ребёнком и тут же виновато замолкала, вспомнив, с кем разговаривает. Лариса давно не завидовала этим женщинам. По крайней мере, ей хотелось так думать.

Она выключила свет над плитой, оставив только маленькую лампу над столом. За окном шёл мелкий мартовский дождь, превращавший двор в блестящую чёрную поверхность. Машины стояли вдоль дома мокрыми рядами, редкие прохожие перебегали от подъезда к подъезду, прикрывая головы капюшонами. Завтра синоптики обещали мокрый снег. Лариса специально проверила прогноз утром и подумала, что погода вполне соответствует пятидесятилетию: уже не зима, но весной пока даже не пахнет.

Телефон завибрировал, и она тут же повернула голову. Сообщение оказалось не от Артёма, а от Татьяны из ЗАГСа. Та прислала фотографию огромного букета, который они зачем-то спрятали в подсобке ещё сегодня, и подписала: «Ты ничего не видела». Лариса улыбнулась, ответила изображением закрытых глаз и уже собиралась убрать телефон, когда услышала звук ключа в замке.

Он вернулся на двадцать минут раньше, чем она ожидала.

Лариса выглянула в коридор. Артём вошёл, осторожно прикрыл дверь и некоторое время возился с мокрым пальто. Обычно, заметив жену, он сразу что-нибудь говорил: жаловался на погоду, рассказывал о дороге, спрашивал, почему она не спит. Теперь же он просто снял ботинки, поставил их ровно возле стены и повесил пальто на вешалку. Даже шарф не бросил на тумбу, как делал почти всегда, а аккуратно свернул и положил сверху.

— Ты чего такой тихий? — спросила Лариса, прислонившись плечом к дверному косяку, и только после этого заметила, что он не смотрит на неё. — Опять эфир переделывали до последней минуты?

— Немного затянулось, — ответил Артём и провёл ладонью по волосам, приглаживая влажные пряди. Он выглядел усталым, но не так, как после съёмок: обычно усталость делала его шумнее, заставляла жаловаться и требовать еды, а сейчас в нём чувствовалась странная собранность. — Ты не спишь.

— Как видишь, обладаю удивительной способностью находиться в сознании после десяти вечера, — сказала Лариса и отошла от двери, пропуская его дальше. — Там мясо осталось. Я не стала убирать, потому что знала, что сейчас начнётся твоё обычное «я совершенно не голоден», а через пять минут ты будешь искать хлеб.

Раньше Артём непременно улыбнулся бы. Иногда именно такие маленькие фразы выдёргивали его из рабочего состояния быстрее всего. Сегодня он только кивнул и пошёл за ней на кухню.

Лариса почувствовала беспокойство не сразу. Сначала решила, что муж опять поссорился с кем-нибудь из редакторов или недоволен записью. Артём плохо переносил дни, когда считал собственную работу неудачной, хотя никогда не показывал этого людям. Перед камерой мог спокойно рассуждать об ошибках как естественной части человеческой жизни, а дома по два часа вспоминал неверно построенную фразу и доказывал себе, что нужно было сказать иначе. Лариса привыкла к этим состояниям и знала главное правило: первые полчаса не спрашивать ничего серьёзного.

Она достала из холодильника контейнер с мясом.

— Греть? — спросила она, подняв крышку, и посмотрела через плечо на мужа. — Я всё-таки угадала или сегодня случилось чудо и ты действительно не голоден?

— Не надо, — ответил Артём и сел за стол. Он положил телефон рядом с собой экраном вниз, а затем медленно сцепил пальцы, словно собирался вести сложный разговор с человеком, которого плохо знает. — Лар, сядь, пожалуйста.

Она замерла возле холодильника.

Вот теперь беспокойство пришло сразу.

Не сильное, ещё не похожее на страх, но достаточно неприятное, чтобы кожа между лопатками похолодела. Артём называл её Ларой постоянно, но это «сядь, пожалуйста» прозвучало совершенно чужим. Так он разговаривал с людьми на консультациях, если хотел перейти к тому месту, где простого разговора уже недостаточно.

Лариса закрыла холодильник.

— Ты меня пугаешь, — сказала она, возвращаясь к столу. — Что случилось? У тебя проблемы?

— Со мной всё нормально, — ответил Артём и поднял на неё глаза. Он выдержал взгляд, и именно это оказалось хуже всего. — Я должен тебе кое-что сказать.

Лариса села напротив, но не на своё обычное место. Почему-то выбрала стул сбоку, тот самый, на котором завтра должна была сидеть Света. За спиной осталась столешница, рядом лежал список продуктов, а между нею и мужем стояли две тарелки. Артём посмотрел на них и почти незаметно поморщился.

— Если ты сейчас скажешь, что завтра опять куда-нибудь улетаешь, я тебя убью, — произнесла Лариса, пытаясь усмехнуться. — Я уже купила торт на восемь человек, и половину его мне придётся доедать самой.

Артём не улыбнулся.

Он отвёл взгляд на окно, потом снова посмотрел на неё. Несколько секунд молчал. Лариса услышала, как на кухне гудит холодильник, как вода проходит по трубе где-то этажом выше и как собственный ноготь тихо царапает край стола. Она не замечала, что делает это, пока звук не стал раздражать.

— У меня есть другая женщина, — сказал Артём.

Ноготь перестал двигаться.

Лариса посмотрела на мужа. Слова были совершенно понятны по отдельности. «У меня». «Есть». «Другая женщина». Ни одного сложного выражения. Артём специально построил фразу настолько просто, насколько мог, но смысл почему-то не складывался. Она даже подумала, что речь может идти о клиентке, сотруднице, новой ведущей — о чём угодно, потому что

человеческий разум, наверное, именно так и защищается от вещей, которые не помещаются внутрь него с первого раза.

— Что? — переспросила она и почувствовала, что голос прозвучал нормально. Это удивило её больше самих слов.

Артём не потянулся к ней. Не попытался взять за руку. Просто сидел напротив.

— Я встречаюсь с другой женщиной, — повторил он. — Уже давно.

Лариса перевела взгляд на его телефон. Экран оставался чёрным. Она неожиданно вспомнила, как последние месяцы Артём всё чаще носил телефон с собой даже в ванную, но тут же рассердилась на собственную память. Ещё минуту назад эта привычка ничего не значила. Теперь мозг торопливо перебирал последние полтора года, вытаскивал из них опоздания, командировки, отключённый звук, неожиданно появившийся новый пароль и пытался собрать картину задним числом.

— Насколько давно? — спросила она и зачем-то поправила край скатерти. Ткань сдвинулась на сантиметр, одна из тарелок поехала вместе с ней, и Лариса вернула её обратно. — Артём, я спросила, насколько давно.

— Полтора года.

Она перестала касаться скатерти.

На этот раз смысл пришёл мгновенно.

Полтора года.

Лариса посмотрела на мокрое окно и попыталась вспомнить, что происходило полтора года назад. Октябрь? Нет, если считать от марта, получится примерно прошлый сентябрь. Они тогда ездили в Калининград на четыре дня. Артём ругался на ветер, они ели копчёную рыбу возле моря, а вечером в гостинице Лариса обнаружила, что забыла дома зарядку. Артём отдал свою и потом смеялся, что если телефон разрядится у него, страна переживёт отсутствие одного семейного психолога в интернете.

Полтора года.

Получается, тогда она уже была.

— Кто? — спросила Лариса.

Артём чуть сильнее сжал пальцы.

— Кира.

Имя оказалось знакомым. Конечно, знакомым. Лариса видела Киру раз пять или шесть. Молодая женщина из команды Артёма, темноволосая, очень стройная, всегда в брючных костюмах и огромных серьгах. Она приходила на презентацию прошлой книги, один раз была у них дома вместе с остальной командой, когда после съёмок все приехали пить шампанское. Лариса ещё тогда заметила, как легко Кира смеётся над Артёмовыми шутками, но не придала этому никакого значения, потому что над его шутками постоянно смеялись молодые женщины.

— Твоя Кира? — спросила она и услышала что-то неприятное в собственном голосе. — Продюсер?

— Исполнительный продюсер проекта, — автоматически поправил Артём и тут же нахмурился, понимая, насколько неуместно прозвучало уточнение. — Да. Она.

Лариса коротко рассмеялась. Не потому, что ей было весело. Просто именно сейчас уточнение должности любовницы показалось таким нелепым, что другого звука из неё не вышло.

— Очень важно, — произнесла она, глядя мужу в лицо. — Исполнительный. Хорошо, что уточнил.

— Я понимаю, как это звучит, — сказал Артём и наконец потянулся к ней через стол. Лариса убрала руку прежде, чем его пальцы успели коснуться её запястья. Он замер, затем медленно вернул ладонь к себе. — Я не собираюсь оправдываться. То, что произошло, моя ответственность.

— Произошло? — переспросила Лариса. — Что именно произошло, Артём? Полтора года тебя насиловал исполнительный продюсер?

Он прикрыл глаза.

— Не надо так.

— Как?

— Ты прекрасно понимаешь.

Лариса снова посмотрела на вторую тарелку. На ней отражался жёлтый свет маленькой лампы. Ещё двадцать минут назад она думала, будет ли муж есть мясо. Теперь перед ней сидел человек, который полтора года встречался с другой женщиной и предупреждал, что разговаривать с ним нужно правильно.

— Нет, — тихо сказала Лариса и подняла взгляд. — Кажется, я как раз ничего не понимаю. Поэтому давай ты мне объяснишь. Полтора года — это что? Раз в месяц? Каждую неделю? Командировки? Ты уходил с работы и ехал к ней, а потом возвращался сюда?

Последний вопрос оказался тяжелее предыдущих. Она почувствовала это ещё до ответа. Артём тоже почувствовал и несколько секунд молчал.

— Да, — сказал он наконец. — Иногда.

Лариса представила входную дверь. Его ключ. Пальто. Ботинки возле стены. Короткий поцелуй в щёку. «Устал ужасно». Душ. Постель.

В животе что-то болезненно сжалось.

Она встала так резко, что стул отъехал назад и ударился о шкаф.

— Лара…

— Не называй меня так сейчас, — попросила она и подошла к мойке. Там ничего не нужно было делать, но сидеть напротив мужа стало невозможно. Она включила воду, тут же выключила и упёрлась ладонями в край столешницы. — Ты приходил от неё домой?

Артём поднялся.

— Да.

— И ложился со мной?

Он снова замолчал.

Лариса обернулась.

— Артём.

— Да, — повторил он уже тише. — Такое было.

Она смотрела на него, ожидая, что сейчас произойдёт что-нибудь соответствующее этой информации. Возможно, станет трудно дышать. Возможно, захочется кричать. В фильмах женщины бросали бокалы, били по лицу или сползали по стене. Лариса ничего такого не чувствовала. Только неприятный холод в пальцах и желание немедленно вымыть руки, хотя они были чистыми.

— Господи, — проговорила она и провела ладонью по губам. — Господи, какой же ты…

Слово не нашлось.

Наверное, существовало множество подходящих слов, но ни одно не соответствовало мужчине, которого она знала тридцать лет. «Предатель» звучало слишком книжно. «Сволочь» — слишком просто. «Ублюдок» вообще не сочетался с Артёмом в дорогом тёмном свитере, аккуратно сидящим напротив собственного холодильника.

— Я знаю, что сделал ужасную вещь, — сказал он, и голос впервые дрогнул. — Я не хочу сейчас просить тебя понять меня. И тем более не прошу простить.

— Как великодушно.

— Лариса, пожалуйста.

— Что «пожалуйста»? — она повернулась к нему всем телом. — Ты сейчас серьёзно просишь меня выбирать выражения?

— Нет. Я прошу дать мне договорить.

Лариса посмотрела на него и вдруг вспомнила его телевизионные программы. Артём всегда давал людям договорить. Даже если перед ним сидела истеричная женщина, перебивавшая всех в студии, он терпеливо ждал, а потом спокойным голосом говорил: «Теперь попробуем отделить эмоцию от того, что произошло». Женщины после этого плакали ещё сильнее, зрители писали в комментариях, какой Соколов мудрый, а Лариса испытывала гордость.

Ей захотелось ударить его именно за этот спокойный голос.

— Говори, — сказала она, снова села и сцепила ладони на коленях. — Раз уж ты готовился.

Артём вздрогнул.

Совсем немного, но Лариса заметила.

— Я не готовился.

— Конечно.

— Я несколько недель не понимал, как сказать.

— Полтора года понимал, как молчать, а последние несколько недель не понимал, как сказать. Теперь картина стала намного яснее.

— Ты имеешь право злиться.

Лариса подняла брови.

— Спасибо, Артём. Я боялась, что для злости тоже потребуется твоё разрешение.

Он сжал губы и впервые отвёл взгляд. Лариса знала это движение. Артём так делал, когда понимал, что спор сейчас станет только хуже, и сознательно отказывался отвечать на выпад. Раньше ей даже нравилось это качество мужа. Они могли поссориться из-за пустяка, она говорила что-нибудь резкое, а Артём не бросал в ответ первое попавшееся оскорбление. Он умел остановиться.

Теперь Лариса вдруг подумала: возможно, он просто всегда умел выбирать слова, которые выгоднее произнести.

— Ты её любишь? — спросила она.

Этот вопрос не собиралась задавать. Он появился сам и сразу же стал самым важным из всех.

Артём посмотрел ей в глаза.

— Да.

Ответ был быстрым.

Вот теперь что-то действительно заболело. Не там, где полагается разбиваться сердцам в красивых романах, а ниже, под рёбрами, словно Лариса слишком резко вдохнула холодный воздух. Она отвернулась и несколько раз моргнула. Плакать при нём не хотелось. Само желание не имело ничего общего с гордостью; просто слёзы показались слишком интимной вещью для человека, который полтора года приносил домой чужую женщину на своей коже.

— Она любит тебя? — спросила Лариса, когда смогла снова нормально говорить.

— Думаю, да.

— Думаешь?

— Говорит, что любит.

Лариса кивнула. Информация была важной, хотя она пока не понимала зачем.

— И что теперь?

Артём глубоко вдохнул.

— Я хочу уйти.

Лариса посмотрела на него.

Он сказал это почти шёпотом, но именно эти четыре слова окончательно превратили всё произошедшее из отвратительной ошибки в новую реальность.

— К ней?

— Не сразу, — ответил Артём. — Я поживу отдельно. У меня есть квартира возле студии, ты знаешь. Мне кажется, всем будет лучше, если мы какое-то время…

— Не говори «всем».

Он замолчал.

Лариса подняла ладонь.

— Нас здесь двое, Артём. Не «все». Ты и я. Кира сюда пока не переехала, надеюсь.

— Я не это имел в виду.

— Тогда говори за себя.

Он кивнул.

— Мне будет лучше пожить отдельно.

— Вот. Уже честнее.

Артём сел обратно. Лариса осталась стоять. Снизу, из двора, донёсся короткий автомобильный сигнал. Где-то за стеной засмеялся ребёнок, потом взрослая женщина шикнула на него. Дом продолжал жить, как будто ничего не произошло, и это казалось почти оскорбительным.

— Я не хочу устраивать войну, — сказал Артём. — И точно не собираюсь оставлять тебя без всего или превращать развод в борьбу за каждую вещь. Квартира останется тебе. Мне она не нужна.

— Не надо сейчас покупать моё спокойствие квартирой.

— Я ничего не покупаю.

— Тогда зачем ты об этом говоришь?

Артём немного помолчал.

— Потому что я хочу, чтобы ты понимала: я не собираюсь разрушать твою жизнь больше, чем уже разрушил.

Лариса посмотрела на него так внимательно, будто видела впервые. Эта фраза была настолько в его духе, что могла бы прозвучать заботливо при любых других обстоятельствах. Он принял решение уйти, изменял полтора года, а теперь великодушно собирался ограничить объём разрушений.

— Ты правда считаешь, что можешь выбрать, насколько сильно разрушишь мою жизнь? — спросила она.

— Нет.

— Считаешь.

— Лара…

Она ударила ладонью по столу. Не сильно, но обе тарелки дрогнули, а лежащая между ними ложка звякнула.

— Я просила не называть меня так.

Артём откинулся на спинку стула.

— Хорошо. Прости.

Лариса хотела спросить ещё сотню вещей. Где они встречались? Кто начал? Знала ли Кира, что он спит с женой? Что Артём говорил ей о Ларисе? Были ли общие друзья, которые знали? Когда в последний раз он целовал Киру? Был ли сегодняшний вечер после неё? Каждый вопрос тянул за собой картинку, которую Лариса совершенно не хотела видеть, и всё-таки сознание настойчиво строило их самостоятельно.

Она посмотрела на его свитер.

— Ты сегодня был с ней?

Артём понял вопрос сразу.

— Нет. Сегодня была съёмка.

— После съёмки?

— Нет.

Лариса кивнула.

Затем до неё дошло, насколько унизительно сейчас проверять расписание мужа за сегодняшний день, когда перед ней лежат полтора года, о которых она ничего не знала.

— Отлично, — сказала она. — Значит, сегодня мне повезло.

Артём потёр ладонями лицо.

— Я понимаю, что сейчас любые мои слова будут звучать неправильно.

— Нет. Некоторые звучат очень правильно. Например, «полтора года» прозвучало предельно понятно.

Он снова не ответил. Лариса увидела его усталость и с неожиданной ясностью поняла, что Артём тоже переживает этот разговор. Не так, как она, конечно. Но ему страшно, неприятно и тяжело. Когда-то она бы немедленно смягчилась от одного этого наблюдения, потому что двадцать семь лет брака вырабатывают привычку учитывать чужую боль даже во время собственной.

Теперь эта привычка никуда не исчезла.

И от этого стало особенно мерзко.

— Почему сейчас? — спросила она. — Полтора года всё тебя устраивало. Почему сегодня ты вдруг решил стать честным?

Артём поднял голову.

— Потому что дальше так нельзя.

— Какая содержательная причина.

— Потому что я сделал выбор.

Лариса замерла.

Вот оно.

До этого момента какая-то маленькая и очень глупая часть её всё ещё воспринимала Киру как проблему, от которой можно избавиться. Артём признался, они поссорятся, будет боль, потом что-нибудь произойдёт. Люди ведь переживают измены. Сам Артём рассказывал об этом сотни раз. Некоторым удаётся восстановить отношения.

Он сделал выбор.

Не в её пользу.

— Понятно, — сказала Лариса.

Она снова села. На этот раз на своё место. Придвинула стул, положила руки на стол и неожиданно почувствовала, что очень хочет пить. Стакан стоял рядом с мойкой, но подниматься не хотелось.

Артём встал, налил воды и поставил перед ней.

Лариса смотрела на стакан.

— Ты серьёзно?

Он не понял.

— Что?

— Вода.

— Ты всегда просишь воду, когда нервничаешь.

Лариса подняла глаза.

Вот так просто.

Он знает, что она просит воду, когда нервничает. Знает, какую подушку она подкладывает под спину, когда болит поясница. Знает, что зимой она не может уснуть, если ноги холодные. Знает, что Лариса ненавидит изюм, боится ос и всегда читает последнюю страницу детективов раньше времени. Этот человек знает её лучше всех на свете.

И любит другую женщину.

Она взяла стакан и сделала глоток.

Вода действительно помогла.

— Ладно, — сказала Лариса, поставив его обратно. — Значит, ты уходишь. Завтра у меня день рождения. Наши друзья должны прийти в семь. Что мне им сказать?

Артём не ответил сразу.

Он посмотрел на список продуктов, потом на коробку торта, край которой был виден за стеклянной дверцей холодильника.

— Я думал об этом.

Лариса тихо фыркнула.

— Разумеется.

— Я могу прийти завтра.

Она медленно подняла глаза.

— Куда?

— На твой день рождения.

— Зачем?

Артём нахмурился, как будто вопрос показался странным.

— Потому что у тебя юбилей.

Лариса несколько секунд смотрела на него, а затем всё-таки рассмеялась. Теперь уже громче. Смех получился сухим и неприятным. Она закрыла лицо ладонью, пытаясь остановиться, но становилось только хуже.

— Что смешного? — спросил Артём.

— Ты, — ответила она, вытирая выступившие в глазах слёзы. На этот раз Лариса даже не была уверена, от смеха они или нет. — Ты невероятный человек. Ты только что сообщил мне, что полтора года спишь с другой женщиной, любишь её и уходишь, а завтра предлагаешь прийти ко мне на день рождения.

— Там будут наши общие друзья.

— Именно.

— Лариса, я не хочу, чтобы твой юбилей превратился в…

Он остановился.

Лариса ждала.

— Во что? — спросила она.

— В публичное выяснение отношений.

— Публичное? У меня будет восемь человек в гостиной.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Нет. Сегодня вечер открытий. Объясняй.

Артём встал из-за стола и прошёл к окну. Несколько секунд смотрел вниз, во двор. Потом провёл ладонью по затылку, и Лариса заметила, что он действительно волнуется. Возможно, даже сильнее, чем в начале разговора.

— Есть ещё одна вещь, которую нам нужно обсудить, — сказал он.

Лариса ощутила, как внутри всё сжалось снова.

— Ты кого-то убил?

Артём обернулся.

— Не говори ерунды.

— Я пытаюсь понять, что ещё может находиться после «полтора года измены» и «я ухожу». Денег нет? Дом заложен? Кира беременна?

— Нет.

Последнее слово прозвучало быстро, и Лариса отметила это машинально. Значит, не беременна. Или Артём уверен, что не беременна. Уже информация.

— Тогда выкладывай, — сказала она.

Он вернулся к столу, но не сел. Взял собственный телефон, разблокировал и несколько секунд что-то искал. Лариса наблюдала за его пальцами. Когда-то эти руки казались ей кра-

сивыми: длинные, ухоженные, с заметными венами на тыльной стороне ладони. Она знала маленький шрам возле большого пальца, оставшийся ещё с института, и белое пятно на ногте, которое появилось после того, как Артём неудачно прищемил палец дверцей машины.

Телефон лёг перед ней.

На экране была афиша.

Лариса увидела сначала свою фотографию. Она стояла рядом с Артёмом в синем платье, улыбаясь куда-то мимо камеры. Снимок сделали прошлой осенью на презентации. Над ними крупными буквами было написано:

«ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ВМЕСТЕ».

Ниже — имя Артёма, название новой книги и ещё несколько строк.

— Я знаю про это мероприятие, — сказала Лариса. — Ты мне рассказывал.

— Не всё.

Она подняла взгляд.

— Что именно?

Артём сел напротив.

— Оно стало гораздо больше, чем планировалось. Будет телевизионная запись, потом несколько городов, презентация книги. Партнёры уже начали кампанию.

— И?

— Значительная часть кампании построена на нас.

Лариса снова посмотрела на экран.

«Как сохранить любовь, когда первая молодость давно позади».

Под этой фразой стояли их лица.

Её лицо.

— Очень смешно, — сказала она.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь.

— Лариса, послушай меня до конца.

Она оттолкнула телефон обратно.

— Ты хочешь отменить?

— Не совсем.

Лариса почувствовала что-то нехорошее.

Намного хуже того, что испытывала несколько минут назад. Пока Артём говорил об измене, боли и разводе, всё хотя бы укладывалось в понятную человеческую мерзость. Муж полюбил другую. Муж оказался трусом. Муж обманывал. Такие истории случаются каждый день, и Лариса сама видела достаточно разводов, чтобы знать: самые невозможные вещи совершенно спокойно происходят с обычными людьми.

Но сейчас Артём опять говорил тем особенным голосом, которым пользовался, когда уже придумал решение.

— Что значит «не совсем»? — спросила она.

Он положил руки на стол.

— Я хочу, чтобы мы развелись спокойно.

— Это я уже слышала.

— И я хочу, чтобы ближайшие несколько месяцев мы не делали из этого публичную историю.

Лариса медленно нахмурилась.

— Мы?

— Да.

— Какую публичную историю собиралась делать я?

— Никакую, надеюсь.

— Тогда почему ты говоришь «мы»?

Артём вздохнул.

— Потому что информация всё равно выйдет. Рано или поздно. И от того, как именно это произойдёт, зависит слишком многое.

— Для кого?

Он промолчал секунду.

— Для меня в первую очередь. Я не буду притворяться.

Лариса кивнула.

— Прекрасно. Наконец-то.

— Но и для людей, которые работают со мной. Там команда. Договорённости. Тур. Издательство. Телевидение. Ты знаешь, сколько человек участвует в проекте.

— И где среди этих людей я?

Артём посмотрел ей прямо в глаза.

— Поэтому я и говорю с тобой сейчас.

Лариса вдруг поняла.

Пока ещё не полностью. Только край мысли показался из темноты, но уже этого хватило, чтобы внутри поднялся холод.

— Артём, — сказала она медленно. — Что именно ты хочешь от меня?

Он снова сцепил пальцы.

В этот момент Лариса впервые увидела, что муж действительно готовился к разговору. Возможно, не репетировал перед зеркалом и не записывал фразы, но думал о последовательности. Сначала измена. Потом любовь. Потом решение уйти. Квартира. Спокойный развод. И лишь теперь — то, ради чего разговор должен был закончиться не сегодня.

— Через четыре месяца состоится главное мероприятие, — сказал Артём. — Оно посвящено тридцати годам с момента нашего знакомства.

— Я умею считать.

— Лариса.

— Продолжай.

— До него уже запланированы несколько эфиров и две совместные съёмки. В одной ты должна быть совсем недолго. Потом презентация книги. Большой вечер через четыре месяца будет последним.

Она смотрела на него.

Артём говорил медленно, стараясь не торопиться. Именно так он объяснял сложные вещи людям, которые могли отреагировать эмоционально.

— Я предлагаю нам не объявлять настоящую причину развода до этого вечера, — продолжил он. — Формально мы можем начать всё сейчас. Я перееду. Мы решим бытовые вопросы. Но публично не будем ничего комментировать.

Лариса почувствовала, что ей снова хочется смеяться.

На этот раз смех не пришёл.

— А совместные съёмки?

Артём помедлил.

— Их лучше провести.

— Лучше кому?

— Всем.

— Снова «всем».

Он раздражённо выдохнул, но тут же взял себя в руки.

— Мне. Моей команде. Людям, которые уже вложили деньги и время. Да, в первую очередь мне. Так достаточно честно?

Лариса кивнула.

— Продолжай. Мне начинает нравиться.

— Не надо превращать это в издевательство.

— Ты полтора года спишь с другой женщиной, а я должна помочь тебе продать книгу про счастливый брак. Артём, если сейчас здесь кто-то над кем-то издевается, то это точно не я.

— Книга не про счастливый брак.

— На афише наши рожи.

— Лица.

— Сегодня именно рожи.

Он замолчал.

Лариса встала и принялась ходить по кухне. Расстояние между холодильником и окном было всего несколько шагов, поэтому приходилось постоянно разворачиваться. Артём следил за ней глазами.

— Давай я попробую правильно понять, — сказала она, останавливаясь у окна. — Ты решил уйти к тридцатилетней Кире.

— Я сказал, что сначала буду жить отдельно.

— Какая принципиальная разница.

— Для меня есть.

— Хорошо. Ты уходишь от меня. Мы разводимся. Но четыре месяца я продолжаю быть твоей женой там, где это полезно твоей работе.

— Не так.

Лариса повернулась.

— Тогда поправь.

— Я не прошу тебя изображать любовь.

— Что именно я должна изображать?

— Ничего. Просто не выносить происходящее наружу раньше времени.

— И сидеть рядом на съёмках.

— На двух.

— Какая удача.

— Лариса, это несколько часов твоего времени.

Она даже рот приоткрыла.

Артём понял ошибку мгновенно.

— Я не это хотел сказать.

— Нет, именно это.

— Я хотел сказать, что речь не идёт о четырёх месяцах ежедневного притворства. Мы будем жить отдельно. Ты сможешь делать всё, что хочешь. Я тоже. Нужно только выполнить несколько обязательств, которые уже существуют.

Лариса подошла к столу.

— А Кира?

Он напрягся.

— Что Кира?

— Она знает, что следующие четыре месяца ты будешь изображать со мной тридцать лет любви?

— Я поговорил с ней.

Вот теперь всё окончательно стало настоящим.

До этого Лариса ещё могла где-то глубоко внутри воспринимать Киру как имя из признания, почти абстрактного человека. Но Кира уже обсуждала их брак. Обсуждала Ларису. Обсуждала будущие совместные появления Артёма с женой и согласилась ждать.

— Вы поговорили, — повторила Лариса.

— Да.

— Обо мне?

— О ситуации.

— В которой я участвую.

— Разумеется.

Лариса придвинула к себе стул, но не села. Просто держалась за спинку.

— И что сказала твоя Кира?

— Что ей это неприятно.

— Бедная девочка.

— Не надо.

— Ей неприятно, Артём? Ей неприятно, что женатому мужчине, с которым она спит полтора года, придётся пару раз сфотографироваться с женой?

Он резко поднялся.

— Не говори о ней так.

Лариса замерла.

Вот оно.

Первый настоящий всплеск.

Не когда Лариса назвала его сволочью, чего пока даже не сделала. Не когда обвинила во лжи. Не когда смеялась над ним.

Он повысил голос, когда она задела Киру.

Артём тоже это понял. Опустил взгляд, затем снова сел.

— Прости, — сказал он тише. — Но она не виновата во всём одна.

— Конечно. Главным образом виноват ты.

— Да.

— Какая трогательная честность.

Лариса отпустила стул. Пальцы болели: она так сильно сжимала деревянную спинку, что ногти оставили на ладони красные полумесяцы.

— А что будет через четыре месяца? — спросила она.

Артём ответил не сразу.

— Мы проведём вечер. После этого можно будет сделать совместное заявление.

— Какое?

— Что мы расстаёмся.

— Почему?

Он посмотрел на неё осторожнее.

— Не обязательно указывать подробности.

Лариса уже знала ответ, но всё равно спросила:

— Какие подробности?

— Кира не должна становиться частью публичного скандала.

— А я?

— Ты тоже.

— Я уже часть этого скандала. Просто пока единственный человек, которому его не показывали.

— Лариса…

— Нет, мне интересно. Что мы скажем?

Он провёл пальцами по краю телефона.

— Что после двадцати семи лет брака поняли, что наши отношения изменились. Что продолжаем уважать друг друга. Что благодарны за прожитые годы.

— И?

— И отпускаем друг друга с любовью.

Лариса смотрела на него.

Эта фраза была настолько гладкой, настолько правильной, что почти не оставляла следов. Она легко представляла её белыми буквами на фотографии двух немолодых людей, которые держатся за руки и мудро улыбаются. Подписчицы будут писать о достоинстве. Кто-нибудь обязательно скажет: «Вот что значит зрелые люди». Возможно, даже пожалеют Артёма. Возможно, Ларису.

А через несколько месяцев рядом с ним аккуратно появится Кира.

Красивая.

Молодая.

И совершенно ни при чём.

— Ты уже написал текст? — спросила Лариса.

Артём вздрогнул.

— Нет.

— Врёшь.

— Есть черновой вариант от команды.

Лариса закрыла глаза.

Команды.

Значит, всё это уже обсуждалось.

Не только Артём и Кира.

Кто-то сидел в кабинете, открывал ноутбук, подбирал слова о двадцати семи годах её жизни. Решал, как именно Лариса Соколова должна «с любовью отпустить» мужа, который полтора года ей изменяет.

— Сколько человек знает? — спросила она.

— О чём?

— Не прикидывайся идиотом. О Кире.

Артём помолчал.

— Несколько.

— Сколько?

— Я не считал.

— Примерно.

— Трое или четверо из команды.

Лариса отошла к мойке.

Её затошнило.

Она вспомнила последнюю презентацию. Помощник Артёма Игорь наливал ей шампанское. Девушка из пресс-службы обнимала на прощание и говорила, что они с Артёмом невероятная пара. Возможно, они уже знали. Возможно, нет. Теперь невозможно было определить, чьи улыбки были обычными, а чьи — осторожными.

— Они смотрели мне в лицо, — сказала Лариса.

— Большинство ничего не знало.

— Трое или четверо знали.

— Да.

— И смотрели мне в лицо.

Артём ничего не ответил.

Лариса обернулась.

— А ты сейчас предлагаешь мне четыре месяца смотреть в лицо всем остальным.

— Я предлагаю не принимать решений сегодня ночью.

— Решение уже принято. Ты его принял.

— О нашем браке — да.

— Как удобно разделять.

— Я пытаюсь сделать так, чтобы из ошибки не выросло ещё больше боли.

— Для кого?

— Для тебя тоже.

Она медленно подошла ближе.

— Не смей.

Артём поднял голову.

— Что?

— Не смей говорить, что всё это для меня.

Голос у Ларисы почти не дрожал. Она сама удивилась этому.

— Ты хочешь сохранить свой проект — хорошо. Хочешь сохранить книгу — хорошо. Хочешь защитить Киру — тоже прекрасно. Только не надо добавлять туда меня, чтобы самому было легче. Я не просила тебя защищать меня от того, что ты сделал.

— Я не…

— Именно это ты сейчас делаешь.

Артём встал.

Теперь они стояли по разные стороны стола. Между ними по-прежнему находились две тарелки, список продуктов и его телефон.

— Я знаю тебя тридцать лет, — сказал он. — Я знаю, что тебе будет тяжело, если всё это начнут обсуждать. Тебе ненавистно чужое внимание.

— Ты знаешь меня тридцать лет и полтора года спал с другой.

Он дёрнулся, будто Лариса ударила его.

Хорошо.

Пусть хотя бы одна фраза попала туда, куда должна.

— Одно не отменяет другого, — ответил Артём.

— Ещё как отменяет.

— Нет.

В его голосе впервые появилась та самая уверенность, которой Лариса раньше восхищалась. Не высокомерие, а спокойная убеждённость человека, привыкшего понимать устройство чужих чувств.

— Я сделал тебе больно, — продолжил Артём. — Очень сильно. Но это не означает, что все двадцать семь лет были ложью. И не означает, что я вдруг перестал понимать, что для тебя тяжело.

Лариса смотрела на него.

В другой день эта фраза могла бы прозвучать мудро.

Сегодня ей хотелось разбить его стакан об стену.

— А что для меня сейчас тяжело? — спросила она.

— Всё.

— Нет. Конкретно.

Артём нахмурился.

— Тебе кажется, что последние годы обесценились.

— Мне не кажется.

— Видишь? Ты сейчас воспринимаешь произошедшее как доказательство того, что весь наш брак…

Лариса подняла руку.

— Стоп.

Он замолчал.

— Что?

— Ты опять это делаешь.

— Что именно?

— Рассказываешь мне, что со мной происходит.

— Я пытаюсь…

— Не надо.

Лариса почувствовала, как внутри поднимается злость. Не та первая, беспомощная, от которой хотелось метаться по кухне, а другая. Намного спокойнее.

— Сегодня я узнала, что мой муж полтора года мне изменяет. Потом узнала, что он любит другую женщину. Потом — что он уходит. Теперь выясняется, что несколько человек из его команды уже обсуждали, как я должна вести себя после развода. И ты сидишь напротив меня и объясняешь, что мне «кажется».

Артём медленно выдохнул.

— Хорошо. Это было неправильно сформулировано.

— Наконец-то мы в чём-то согласны.

Он посмотрел на часы.

Лариса заметила этот жест.

— Тебе куда-то надо?

— Нет.

— Кира ждёт?

Артём устало прикрыл глаза.

— Нет.

— Тогда не смотри на часы, пока рушишь мой брак. Это невежливо.

— Наш брак, Лариса.

— Что?

— Ты сказала «мой брак». Он наш.

Она почувствовала такое бешенство, что несколько секунд действительно не могла говорить.

Потом рассмеялась.

— Знаешь, а здесь ты прав. Наш. Очень жаль, что ты вспомнил об этом через полтора года.

Артём отвернулся.

За окном дождь усилился. Капли били по стеклу, собирались в дорожки и стекали вниз. Где-то во дворе хлопнула дверь автомобиля.

Лариса посмотрела на часы над холодильником.

Без четверти двенадцать.

Через пятнадцать минут ей исполнится пятьдесят.

Она почему-то подумала об этом впервые за весь разговор.

— Как символично, — сказала Лариса.

— Что?

— Ничего.

Она подошла к холодильнику и открыла дверцу. На нижней полке стоял торт. Белая коробка занимала почти всё пространство. На крышке кондитер написал маркером фамилию: «Соколова».

Лариса закрыла холодильник.

— Завтра никого не будет.

Артём напрягся.

— Не принимай решения сейчас.

— Какого чёрта ты всё время говоришь мне, какие решения принимать?

— Потому что ты в шоке.

— А ты, видимо, нет.

— Я жил с этой мыслью несколько недель.

— И полтора года с Кирой.

— Да.

— Вот и замечательно. У тебя было достаточно времени всё обдумать. Теперь я подумаю сама.

Она взяла телефон и открыла чат с приглашёнными. Пальцы сначала плохо попадали по клавишам. Лариса написала коротко: «Простите, завтра всё отменяется. Объясню позже». Прочитала и нажала отправить.

Артём наблюдал молча.

— Всё, — сказала она. — Первый рабочий вопрос решён.

— Лариса…

— Что?

— Мне очень жаль.

Она посмотрела на него.

И впервые за весь разговор увидела в его лице не собранного специалиста, не виноватого мужа и не мужчину, который подготовил себе выход. Просто Артёма. Того самого, который двадцать два года назад сидел рядом с ней в больничном коридоре и держал за руку, пока врач говорил, что беременность сохранить не удалось. Того, который однажды ночью ехал через весь город за её любимыми пирожными, потому что Лариса расплакалась без причины. Того, кто боялся летать и всё равно каждый раз делал вид, что самолёты его совершенно не волнуют. Того, кто лежал рядом с ней тысячи ночей.

Глаза защипало.

Лариса отвернулась.

— Иди отсюда.

Артём не двинулся.

— Я могу уйти в кабинет.

— Нет.

— Уже поздно.

— У тебя есть квартира.

— Там ничего нет.

— Зато нет меня.

Он провёл ладонью по лицу.

— Я не хочу оставлять тебя одну в таком состоянии.

Лариса медленно повернулась.

— В каком?

Артём открыл рот и тут же закрыл.

Хорошо.

Научился.

— Иди, — повторила она. — Пожалуйста.

Он несколько секунд смотрел на неё, затем кивнул.

— Я возьму только необходимое.

Лариса осталась на кухне.

Она слышала, как Артём открыл шкаф в спальне. Как выдвинул ящик комода. Как прошёл в ванную. Звуки были знакомыми, но теперь каждый почему-то звучал громче обычного. Через несколько минут он вернулся в коридор с небольшой дорожной сумкой.

Лариса вышла к нему.

Артём уже надел пальто. Шарф лежал на тумбе. Тот самый, который он так аккуратно сложил, когда вошёл.

— Я завтра позвоню, — сказал он.

— Не надо.

— Нам всё равно придётся разговаривать.

— Завтра не надо.

Он кивнул.

Потом посмотрел на неё так, будто хотел подойти ближе.

Не подошёл.

— С наступающим, — сказал Артём.

Лариса уставилась на него.

Он понял, что произнёс, уже после того, как слова вышли.

На лице появилось такое выражение, что при других обстоятельствах Лариса, наверное, даже пожалела бы его.

— Господи, — прошептал Артём. — Прости.

— Иди.

Он открыл дверь и вышел.

Замок щёлкнул.

Лариса осталась в коридоре.

Ещё несколько секунд она смотрела на закрытую дверь и почему-то ждала, что ключ снова повернётся. Артём вернётся, скажет, что всё это какой-то чудовищный эксперимент, идиотская ошибка, что никакой Киры нет. Или хотя бы вернётся за шарфом, который так и остался лежать на тумбе.

Ключ не повернулся.

Лариса взяла шарф в руки.

Он пах Артёмом. Одеколоном, дождём и чем-то ещё, чего она раньше не замечала. Возможно, просто чужим кондиционером для белья. Возможно, ей уже начинало мерещиться.

Она бросила шарф обратно.

На кухне продолжал гореть свет.

Лариса вернулась туда и долго стояла возле стола. Две тарелки. Два прибора. Мясо, которое она так и не убрала. Телефон. Список продуктов.

Сыр.

Виноград.

Хлеб.

Вино.

Минеральная вода.

Она взяла ручку и стала зачем-то вычёркивать продукты один за другим. Сыр больше не нужен. Виноград тоже. Хлеб тем более. Когда дошла до вина, рука остановилась. Лариса подумала и поставила возле него галочку.

Потом посмотрела на часы.

До полуночи оставалось три минуты.

Она села за стол и впервые позволила себе заплакать.

Не красиво. Без прижатых ко рту пальцев и тихих слёз. Она наклонилась, закрыла лицо обеими ладонями и рыдала так, что заболела голова. В какой-то момент пришлось встать за салфетками, потому что нос заложило, и эта бытовая необходимость почему-то показалась особенно унизительной. Человек узнаёт, что двадцать семь лет его брака закончились, а потом всё равно должен искать, чем высморкаться.

Когда плакать стало нечем, Лариса умылась холодной водой.

Вернулась к столу.

Телефон показывал 00:07.

Ей было пятьдесят.

На экране появлялись первые поздравления. Несколько автоматических открыток, сообщение от Татьяны, потом от Светы. Никто ещё не знал, что несколько минут назад именинница выгнала мужа из дома.

Лариса открыла переписку с Артёмом.

Последнее сообщение всё ещё было прежним.

«Задерживаемся. Не жди».

Она смотрела на эти слова, пока экран не погас.

Не жди.

Теперь получилось.

Лариса уже собиралась убрать телефон, когда заметила новую почту. Письмо пришло несколько часов назад, но она его не открывала. Отправитель был знакомым — ассистент Артёма. Тема: «30 лет вместе. Обновлённый график».

Наверное, письмо отправили ей как участнице проекта.

Лариса открыла.

Внутри находилась таблица с датами.

Съёмка.

Фотосессия.

Запись короткого ролика.

Презентация.

Большой вечер через четыре месяца.

Напротив нескольких пунктов стояло её имя.

«Лариса Соколова».

Возле одного была пометка: «совместная история знакомства».

Возле другого: «семейные фотографии».

А в самом конце, после большого вечера, значилось:

«Финальное обращение пары. Тема: любовь меняется, благодарность, умение отпустить».

Лариса медленно перечитала строку.

Потом ещё раз.

Четыре месяца.

Он не придумал это сегодня на кухне.

Кто-то уже внёс её в график.

Кто-то определил тему её слов.

Кто-то решил, как именно она будет отпускать мужа, ещё до того, как сам муж сообщил ей, что у него есть любовница.

Лариса сидела в тишине, держа телефон обеими руками. Слёз больше не было. Осталось только очень ясное, почти холодное ощущение, что сегодняшний разговор она до сих пор понимала неправильно.

Артём пришёл домой не для того, чтобы признаться в измене.

Он пришёл согласовать с женой следующие четыре месяца её брака.

Глава 2. Подарок на пятьдесят

Лариса проснулась от того, что кто-то рядом с ней тяжело вздохнул. Она ещё не открыла глаза, но уже протянула руку в сторону Артёма, как делала множество раз за последние двадцать семь лет, когда муж начинал ворочаться во сне и стягивал с неё одеяло. Пальцы скользнули по холодной простыне, и только тогда память вернулась целиком, без всякой осторожности. Рядом никого не было. Вздохнул не Артём, а ветер за окном, продавивший неплотно закрытую форточку так, что деревянная рама тихо простонала под порывом.

Лариса открыла глаза и несколько секунд смотрела на серый потолок. Голова после ночних слёз болела тяжело и тупо, в носу всё ещё оставалась неприятная заложенность, а веки казались набитыми мелким песком. Она повернула голову на подушке. Артёмова сторона кровати выглядела так, будто человек просто встал раньше неё: одеяло лежало ровно, подушка сохранила небольшую вмятину от прошлой ночи, на прикроватной тумбе оставались его книга и стакан, из которого он пил позавчера. Только костюма на спинке кресла не было. Артём забрал несколько вещей, когда уходил, а всё остальное почему-то осталось на своих местах, и именно это делало случившееся похожим не на конец брака, а на какое-то временное недоразумение.

Телефон лежал экраном вниз возле кровати. Ночью Лариса несколько раз просыпалась от короткой вибрации, но не проверяла сообщения, потому что заранее знала, что там будет. Люди начинают поздравлять с днями рождения ещё с полуночи, особенно если социальная сеть услужливо напоминает им нужную дату. Вчера Ларисе казалось, что пятьдесят лет будут ощущаться чем-то особенным. Теперь цифра совершенно потеряла значение. Ей могло исполниться тридцать семь, шестьдесят четыре или сто два — утро от этого не стало бы хуже.

Она всё-таки взяла телефон. На экране высветилось двадцать три непрочитанных сообщения и два пропущенных звонка. Татьяна прислала фотографию огромного букета и написала, что коллектив официально возмущён внезапным исчезновением именинницы с собственного праздника. Света сообщила, что ничего страшного, всё перенесут, когда Лариса придёт в себя после своей «таинственной мигрени». Ещё десяток знакомых желали здоровья, женского счастья, любви и долгих лет рядом с близкими людьми, причём последние слова теперь выглядели почти издевательством, хотя отправители, разумеется, ни в чём не были виноваты.

Сообщение от Артёма находилось между поздравлением страховой компании и открыткой от бывшей однокурсницы. Отправлено в восемь семнадцать.

«Доброе утро. С днём рождения. Я заеду чуть позже. Нужно поговорить».

Лариса перечитала три раза. Не потому, что смысл был сложным, а потому, что никак не могла избавиться от ощущения, будто сообщение написал малознакомый человек. За двадцать семь лет Артём ни разу не поздравлял её с днём рождения словами «С днём рождения». Обычно начиналось что-нибудь идиотское ещё ночью: он мог принести мороженое в постель, сунуть под подушку подарок, поставить будильник на семь утра с собственной записью или просто разбудить поцелуем, если не терпелось вручить очередную вещь. Однажды, лет пятнадцать назад, Артём развесил по квартире записки с подсказками и заставил Ларису искать подарок полтора часа. Она тогда злилась и смеялась одновременно, потому что последняя записка лежала в холодильнике между кастрюлей с супом и упаковкой масла.

Сегодня было «С днём рождения. Я заеду чуть позже».

Лариса положила телефон обратно и натянула одеяло до подбородка. Лежать не хотелось, вставать тоже. В квартире было слишком тихо. Она неожиданно поняла, что за последние годы почти никогда не проводила здесь целый день одна. У неё была работа, у Артёма съёмки, поездки, выступления, но вечерами они всё равно пересекались. Даже если каждый сидел в своей комнате, сам факт присутствия другого человека заполнял пространство. Теперь квар-

тира словно стала больше. Коридор вытянулся, спальня раздалась в стороны, а дверь в Артёмов кабинет почему-то выглядела как вход в помещение, где давно никто не живёт.

На часах было половина девятого. Обычно в рабочий день Лариса к этому времени уже была в ЗАГСе, но ради юбилея взяла выходной. Артём несколько недель назад сам убеждал её не идти на работу в день рождения и обещал утром приготовить завтрак. Они даже спорили, потому что готовил он редко и почему-то считал яичницу с помидорами полноценным праздничным блюдом. Лариса тогда сказала, что к пятидесяти годам заслужила хотя бы сырники, Артём возмутился, но согласился попробовать.

Она села на кровати.

Сырники.

Вот и ещё один маленький кусок вчерашней жизни, который сегодня оказался никому не нужен.

Лариса встала и пошла в ванную. В зеркале на неё смотрела женщина, которой действительно можно было дать пятьдесят, и впервые за много лет это неприятно задело. Лицо опухло после слёз, под глазами залегли тёмные полукружья, волосы спутались на затылке. Она знала, что через двадцать минут сможет привести себя в порядок, потому что всю взрослую жизнь умела собраться, когда нужно идти на работу или разговаривать с людьми. Но сейчас почему-то не хотелось. Артём вчера сказал, что любит тридцатилетнюю женщину, и Лариса поймала себя на мерзком желании представить Киру утром перед зеркалом. Наверняка у той не отекают веки после бессонной ночи. Наверняка живот остаётся плоским даже без втягивания. Наверняка ей не приходится рассматривать тонкую складку возле губ и решать, появилась она от возраста или просто слишком ярко падает свет.

Лариса отвернулась от отражения и открыла воду.

— Даже не начинай, — сказала она самой себе, намочив лицо.

Голос прозвучал хрипло. Она умылась ещё раз, потом всё-таки взяла крем, расчесалась и переоделась в домашние брюки с мягким свитером. Не ради Артёма. Просто сидеть весь день в ночной рубашке казалось слишком похожим на капитуляцию перед чем-то, чему Лариса пока даже не могла подобрать название.

На кухне осталось всё с прошлого вечера. Две тарелки по-прежнему стояли на столе, только мясо она ночью всё-таки убрала, когда поняла, что запах начинает раздражать. Список продуктов лежал возле сахарницы, перечёркнутый ручкой. Рядом стоял бокал, из которого Лариса после ухода мужа выпила немного вина. Она не помнила, когда именно налила его, но бутылка была открыта и почти не тронута. Пить больше не захотелось.

Она убрала вторую тарелку в шкаф.

Это простое движение оказалось неожиданно тяжёлым.

Лариса взяла свою чашку, налила кофе и открыла холодильник. Там стоял праздничный торт. Белая коробка занимала половину нижней полки и выглядела настолько нелепо, что хотелось вынести её к мусорным контейнерам целиком. Торт был шоколадный с вишней, любимый Артёмом. Самой Ларисе больше нравились лёгкие ягодные, но вчера она решила, что гости всё равно съедят любой, а муж шоколадный действительно любит.

Она закрыла холодильник.

Ещё вчера это решение казалось настолько естественным, что даже не фиксировалось в памяти. Собственный день рождения, собственный торт, а вкус выбрала его.

Не потому, что Артём требовал.

Просто так получилось.

Таких «просто так» за двадцать семь лет было, наверное, несколько тысяч.

Телефон снова зазвонил. Лариса посмотрела на экран и увидела имя Светы. Подруга звонила уже второй раз.

Лариса взяла трубку.

— Жива, — сказала она вместо приветствия и села за стол. — Не переживай, пятьдесят лет организм перенёс, хотя прогнозы были сомнительные.

— Тогда почему ты вчера в одиннадцать ночи отменила праздник? — голос Светы звучал раздражённо и обеспокоенно одновременно. — Ты написала «объясню позже» и пропала. Я тебе ночью не звонила только потому, что подумала, вдруг у Артёма опять что-нибудь случилось на съёмке.

Лариса посмотрела на пустой стул напротив.

— Случилось.

На том конце стало тихо.

Света знала её больше двадцати лет и умела отличать обычную шутку от той, которой человек пытается прикрыть что-то серьёзное.

— Что? — спросила она уже совсем другим голосом. — Лар, что произошло?

Лариса открыла рот.

И ничего не сказала.

Произнести вслух «Артём мне изменяет» оказалось сложнее, чем услышать это от самого Артёма. Пока информация существовала между ними двумя на кухне, она будто ещё не полностью принадлежала реальности. Стоило рассказать Свете — и всё станет фактом, который знает третий человек. Потом четвёртый. Потом другие.

Вчера она уже написала гостям, что праздника не будет, но причины не назвала.

— Мы поссорились, — наконец сказала Лариса. — Сильно.

— Из-за чего?

— Я расскажу. Только не сейчас.

Света помолчала.

— Он дома?

— Нет.

— Ты одна?

— Да.

— Я приеду.

— Не надо.

— Я не спрашиваю разрешения.

Лариса неожиданно улыбнулась.

— Свет, правда не надо. Он скоро приедет, и нам нужно договорить.

— Мне не нравится слово «договорить».

— Мне тоже.

— Он тебя ударил?

— Господи, нет.

— Тогда почему у тебя голос такой, будто тебя переехал грузовик?

Лариса посмотрела в окно. Дождь ночью сменился мокрым снегом. Крупные хлопья падали на асфальт и тут же превращались в воду.

— Потому что иногда можно обойтись и без грузовика, — ответила она.

Света опять замолчала, но теперь уже не стала вытягивать объяснение.

— Хорошо, — сказала она. — Я не еду. Но если ты до обеда не напишешь, что жива, приеду сама и открою дверь твоим запасным ключом. И не вздумай сегодня сидеть одна весь день, понятно?

— Понятно.

— И с днём рождения тебя, идиотка.

Лариса засмеялась. Смех снова тут же защипал глаза, поэтому пришлось провести пальцами под нижними веками.

— Спасибо.

Когда разговор закончился, стало немного легче. Не потому, что ситуация изменилась. Просто где-то существовал человек, которому можно позвонить, и Лариса впервые за ночь почувствовала, что её жизнь всё-таки не ограничивается мужчиной, ушедшим вчера с дорожной сумкой.

Звонок в дверь раздался в десять минут десятого.

Артём никогда не звонил в дверь собственного дома.

Лариса сразу это заметила.

Она не торопилась открывать. Подошла к двери, посмотрела в глазок. Артём стоял на площадке в том же пальто, в котором ушёл ночью, только теперь держал огромный букет белых и розовых цветов. На плече висела сумка, но уже другая, рабочая. Волосы были аккуратно уложены, лицо гладко выбрито.

Он выглядел так, будто пришёл поздравлять жену с юбилеем.

Лариса открыла.

Артём некоторое время смотрел на неё, затем осторожно улыбнулся.

— С днём рождения, — сказал он и протянул цветы. — Я понимаю, что сейчас это выглядит…

— Идиотски?

Улыбка исчезла.

— Наверное.

Лариса всё-таки взяла букет. Не потому, что хотела его принять, а потому, что держать огромную охапку цветов между ними в дверях было неудобно. Цветы пахли свежестью и чем-то сладким. Она узнала ранункулюсы, которые всегда любила, и это тоже раздражало: Артём не купил первое попавшееся ведро роз возле метро. Он помнил.

— Проходи, — сказала Лариса и отступила.

Артём вошёл, снял ботинки и посмотрел на тумбу. Его шарф всё ещё лежал там, где он оставил его ночью.

— Забыл, — сказал он.

— Я заметила.

Он взял шарф и некоторое время держал его в руках, словно не понимал, куда деть. Потом положил обратно.

— Я принёс тебе кое-что.

— Артём, если это ещё один график на четыре месяца, я выброшу его вместе с цветами.

— Нет.

Он расстегнул пальто и достал из внутреннего кармана небольшой тёмно-зелёный футляр.

Лариса узнала фирменную коробку раньше, чем Артём положил её на тумбу.

— Нет, — сказала она.

— Ты даже не посмотрела.

— Я знаю, что там.

— Не знаешь.

— Знаю.

Несколько месяцев назад они гуляли по торговому центру после кино. Лариса остановилась возле витрины ювелирного магазина, потому что увидела тонкий браслет из белого золота с маленькими тёмными камнями. Ничего особенного. Она даже не заходила внутрь, просто посмотрела и сказала, что красиво. Артём тогда спросил, нравится ли ей, а Лариса ответила, что за такие деньги браслет должен ещё готовить ужин и мыть окна.

Она забыла об этом разговоре через пять минут.

Он — нет.

Артём открыл футляр.

Внутри лежал именно тот браслет.

Лариса смотрела на него и чувствовала, как злость смешивается с чем-то намного хуже. Если бы муж принёс безликий дорогой подарок, было бы проще. Но он выбрал вещь, которую она действительно хотела. Значит, заметил. Запомнил. Нашёл. Возможно, купил заранее.

— Когда? — спросила Лариса.

Артём понял вопрос.

— Две недели назад.

— То есть уже тогда ты знал, что уйдёшь?

Он медленно закрыл футляр.

— Я почти решил.

— И купил мне браслет.

— У тебя юбилей.

— Потрясающая последовательность.

— Подарок не связан с тем, что произошло.

Лариса посмотрела ему в лицо.

— Как у тебя это получается?

— Что?

— Всё раскладывать по отдельным коробочкам. Здесь жена. Здесь любовница. Здесь подарок жене. Здесь решение уйти от жены. Здесь тридцать лет знакомства. Здесь Кира. Ничего ни с чем не связано, всё лежит аккуратно и никому не мешает.

Артём нахмурился.

— Конечно, связано.

— Нет. Если бы для тебя это было связано, ты бы не купил женщине подарок на пятидесятилетие за две недели до того, как сообщить, что полтора года ей изменяешь.

— А что я должен был сделать? — спросил он, и впервые в голосе появилось слабое раздражение. — Не покупать тебе подарок? Сделать вид, что тридцати лет нашей жизни не существует?

Лариса отступила на шаг.

— Тридцати?

— Мы знакомы почти тридцать лет.

— Именно. Поэтому мне особенно интересно, в какой момент ты решил, что подарок компенсирует то, что случится через две недели.

— Я не пытаюсь ничего компенсировать.

— Тогда забери.

Она сунула футляр ему в руку.

Артём не взял. Коробка ударилась о ладонь и едва не упала на пол, но он успел поймать её.

— Это твоё.

— Нет.

— Я купил его тебе.

— Ты купил его жене, которая ещё ничего не знала.

— Ты всё ещё тот же человек.

Лариса почувствовала, как губы сами растягиваются в неприятной улыбке.

— Очень утешает.

Она понесла цветы на кухню. Выбрасывать их тоже не стала. Нашла высокую вазу, налила воду и несколько раз попыталась расправить стебли так, чтобы букет не заваливался набок. Артём вошёл следом и остановился возле стола.

Вчерашней второй тарелки уже не было.

Он заметил.

Лариса заметила, что он заметил.

Никто ничего не сказал.

— Ты спал? — спросила она, подрезая слишком длинный стебель.

— Немного.

— В той квартире?

— Да.

— Кира приезжала?

Артём помолчал.

— Нет.

Ножницы щёлкнули.

Лариса положила отрезанный стебель в раковину.

— Ты ей уже рассказал, что признался?

— Да.

— Ночью?

— Написал, когда приехал.

— Она, наверное, счастлива.

— Нет.

Лариса посмотрела на мужа.

— Даже так?

— Ей тяжело.

— Артём, пожалуйста, не рассказывай мне, как тяжело женщине, которая полтора года спит с моим мужем.

Он выдержал паузу.

— Хорошо.

Это «хорошо» было сказано без обиды и без попытки спорить. Лариса снова почувствовала раздражение от того, насколько он умеет быть разумным.

— Кофе будешь? — спросила она автоматически и застыла.

Вопрос вылетел раньше, чем она успела его остановить.

Артём тоже замер.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Буду, — тихо сказал он.

Лариса разозлилась уже на себя.

— Сам сделай.

— Конечно.

Он подошёл к кофемашине, достал чашку и нажал кнопку. Всё происходило точно так же, как тысячи раз раньше. Машина зашумела, запах кофе заполнил кухню, Артём привычно открыл шкафчик за сахаром, хотя потом вспомнил, что уже несколько лет пьёт без сахара, и закрыл дверцу обратно.

Лариса села.

— Ты ночью сказал, что сегодня придёшь на праздник.

Артём поставил чашку на стол.

— Да.

— Я всё отменила.

— Я видел сообщение в общем чате.

— И всё равно приехал с цветами.

— Сегодня твой день рождения.

— Ты это уже говорил.

Он сел напротив.

— Лариса, я понимаю, что ты злишься.

— Не начинай.

— Я не объясняю тебе твоё состояние.

— Только называешь.

Артём опустил взгляд в чашку.

— Хорошо. Я понимаю, что вчера произошло слишком много. Но я всё равно думаю, что отменять вечер не стоило.

Лариса несколько секунд молчала.

— Почему?

— Потому что это твой юбилей.

— Очень убедительно.

— Ты сама готовилась. Пригласила людей. Они тебя любят. Через несколько лет ты можешь пожалеть, что вместо праздника просто просидела дома из-за меня.

Лариса посмотрела на цветы.

Он говорил спокойно. И, что было особенно неприятно, часть его слов имела смысл. Праздник действительно был её. Гости действительно шли к ней, а не только к Артёму. Возможно, через несколько лет она и правда будет вспоминать пятидесятилетие как день, который полностью забрал себе муж со своей изменой.

Но дальше Артём произнёс то, ради чего, как оказалось, начал этот разговор.

— Я могу вечером прийти, — сказал он. — Мы проведём несколько часов нормально. Потом я уеду.

Лариса медленно повернула голову.

— Нормально?

— Без выяснений.

— Ты будешь сидеть рядом со мной?

— Конечно.

— Поздравлять?

— Да.

— Поднимать тост?

Артём вздохнул.

— Если потребуется.

Лариса отодвинулась от стола.

— А потом поедешь в свою квартиру и напишешь Кире, как прошёл день рождения жены?

— Не надо доводить до абсурда.

— Я вообще ничего не довожу. Я просто уточняю сценарий.

— Сценария нет.

— Вчера я нашла график, Артём.

Он замер.

Лариса увидела, как изменился его взгляд.

— Какой график?

— «Тридцать лет вместе». Мне прислали на почту ещё днём. Съёмки, фотосессия, семейная история, финальное обращение пары. Очень удобно. Особенно понравилась тема про умение отпускать.

Артём медленно поставил чашку.

— Это рабочий документ.

— Я догадалась.

— Его составляла команда до вчерашнего разговора.

— А команда уже знала, что через четыре месяца я должна тебя отпустить?

Он не ответил сразу.

— Не все.

— Те трое или четверо?

— Да.

— Понятно.

Лариса взяла телефон, открыла переписку с гостями и положила экраном к Артёму.

— Праздника не будет. Я уже всем написала.

— Я вижу.

— Тогда о чём мы спорим?

— Я не спорю. Я предлагаю тебе подумать.

— Я подумала.

— За одну ночь.

— Тебе понадобилось полтора года, а мне хватило одной.

Артём откинулся на спинку стула. Несколько секунд он молчал, затем потёр переносицу.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл прямо сейчас?

— Я хочу понять, зачем ты приехал.

— Поздравить тебя.

— Только?

Он посмотрел на неё.

— И поговорить.

— О чём?

— О том, как мы будем жить дальше.

Лариса коротко кивнула.

— Вот. Наконец-то.

— Что?

— Наконец-то подарок закончился и началось настоящее дело.

Артём поморщился.

— Я действительно приехал поздравить тебя.

— Верю.

И она действительно верила.

Это было хуже всего.

Артём действительно помнил её день рождения. Действительно купил браслет заранее. Действительно выбрал любимые цветы. Возможно, искренне хотел, чтобы она сегодня не сидела одна и не плакала.

И этот же человек полтора года ей изменял.

Ларисе хотелось, чтобы в нём нашёлся хоть какой-нибудь простой дефект, который объяснил бы всё сразу. Жадность. Злоба. Ненависть. Желание наказать её. Тогда можно было бы разделить прошлое и настоящее: раньше был хороший муж, теперь появился плохой.

Но Артём оставался тем же человеком.

Просто теперь Лариса знала о нём больше.

— Давай говорить, — сказала она. — Ты хотел обсудить, как мы будем жить. Обсуждай.

Артём сцепил руки на столе.

— Я останусь в рабочей квартире.

— Хорошо.

— Пока не знаю, надолго ли.

— Это не моя проблема.

— Да.

Он принял ответ без возражений.

— Я не собираюсь претендовать на эту квартиру, — продолжил Артём. — Оставь её себе.

Лариса нахмурилась.

— Что значит «оставь»?

— То и значит.

— Она наша общая.

— Я знаю.

— И ты решил подарить мне половину квартиры вместе с браслетом?

— Лариса…

— Нет, мне интересно.

Он немного повысил голос, но тут же снизил снова.

— Мне не нужна эта квартира. У меня есть где жить. Я хорошо зарабатываю. Ты привыкла к этому месту, тебе отсюда удобно ездить на работу. Какой смысл начинать из-за неё войну?

Лариса смотрела на него и никак не могла понять, почему слова, которые должны были прозвучать благородно, раздражают ещё сильнее.

— Ты ожидал, что я буду бороться за квартиру?

— Нет.

— Тогда зачем заранее сообщаешь, что не станешь отнимать?

Артём вздохнул.

— Потому что хочу сразу убрать хотя бы часть страхов, которые у тебя могут возникнуть.

— Каких страхов?

— Финансовых. Бытовых.

Лариса тихо рассмеялась.

— Артём, я работаю.

— Я знаю.

— Уже двадцать восемь лет.

— Я знаю.

— И получаю зарплату.

— Я прекрасно знаю, сколько ты получаешь.

— Тогда почему разговариваешь так, будто оставляешь пожилую родственницу с пенсией и банкой варенья?

Он резко нахмурился.

— Я этого не говорил.

— Но именно так звучит.

— Я хочу поступить порядочно.

Лариса перестала улыбаться.

Вот эта фраза попала точно.

— Порядочно?

— Да.

— Ты хочешь поступить порядочно.

— Сейчас — да.

Она посмотрела на него долго и внимательно.

Артём не отводил глаз.

— А полтора года назад не хотел?

— Хотел.

— Не получилось?

— Нет.

— Бывает.

Он стиснул зубы.

— Я не прошу тебя издеваться.

— А я не прошу тебя быть порядочным задним числом.

На кухне стало тихо.

За окном продолжал падать мокрый снег. На подоконнике лежал серый свет, делавший лицо Артёма старше. Ему было пятьдесят два. В волосах возле висков уже давно появилась седина, которую он не закрашивал и даже немного ею гордился. Лариса вдруг подумала, что Кира видит эти седые виски совсем иначе. Для неё они, наверное, не были знаком прожитых вместе десятилетий. Просто красивый взрослый мужчина.

— Я понимаю, что сейчас любое моё предложение будет восприниматься как попытка откупиться, — сказал Артём. — Но мне важно, чтобы ты знала: я не собираюсь оставлять тебя без привычной жизни.

Лариса провела пальцем по краю стола.

— А если я не хочу привычную жизнь?

Он замолчал.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты решил, что уйдёшь, а моя часть жизни останется точно такой же. Квартира. Работа. Подруги. Может быть, ещё торт в холодильнике. Только тебя не будет.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Что я не хочу причинять тебе больше вреда, чем уже причинил.

Вчера он уже говорил почти то же самое.

Лариса почувствовала знакомое раздражение.

— Ты опять назначаешь предел.

— Чему?

— Тому, сколько вреда мне можно причинить.

Артём устало посмотрел на неё.

— Что ты хочешь услышать?

— Ничего.

— Тогда зачем мы разговариваем?

— Потому что ты приехал.

Он замолчал.

Лариса поднялась, достала из шкафа ещё одну чашку, потом передумала и вернула обратно. Кофе уже не хотелось.

— Ты сказал Кире, что хочешь развода? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да.

— Когда?

— Несколько недель назад.

Лариса замерла.

— Что?

Артём понял, что снова сказал нечто важное.

— Я сказал ей, что собираюсь поговорить с тобой.

— Несколько недель назад?

— Да.

Лариса медленно повернулась.

— То есть она знала раньше меня.

— О моём решении — да.

— Насколько раньше?

— Лариса…

— Насколько?

— Примерно три недели.

Лариса подошла ближе.

— Три недели назад мы выбирали гостиницу на июнь.

Артём отвёл взгляд.

— Да.

— Ты сидел со мной на диване, смотрел номера и говорил, что лучше взять с балконом.

— Я помню.

— А до этого уже сообщил любовнице, что собираешься развестись?

— Я тогда ещё не знал, когда смогу сказать тебе.

— Но отпуск планировал.

— Я не хотел, чтобы ты что-то поняла раньше времени.

Несколько секунд Лариса просто смотрела на него.

Потом кивнула.

— Вот теперь честно.

— Что?

— Ты не «продолжал существовать внутри брака». Ты изображал его.

Артём резко поднял голову.

— Нет.

— Да.

— Я не изображал.

— Ты выбирал со мной отель после того, как сообщил другой женщине о разводе.

— Потому что не мог просто внезапно перестать строить планы, не объяснив тебе почему.

— Мог.

— И что бы ты подумала?

— Что происходит что-то странное. Возможно, начала бы задавать вопросы. Господи, какая ужасная перспектива.

— Именно. Я хотел сначала разобраться сам.

— Ты разбирался полтора года.

— Это не так.

— А как?

Артём встал. Теперь он снова начал ходить по кухне, как вчера ходила Лариса.

— Я не собирался уходить с самого начала, — сказал он. — Если тебе нужны подробности, хорошо. В начале я считал, что это закончится. Потом несколько раз действительно пытался закончить. Потом понял, что не могу.

Лариса почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Несколько раз?

— Да.

— То есть вы расставались?

— Ненадолго.

— А я в это время что делала?

— Лариса…

— Нет, серьёзно. Мне интересно. Ты возвращался домой после того, как бросал любовницу, и пытался снова полюбить жену?

— Не говори так.

— Почему? Неприятно?

Он остановился.

— Потому что всё было не настолько расчётливо.

— Для меня результат одинаковый.

— Я знаю.

— Не знаешь.

— Я пытаюсь объяснить.

Лариса сжала губы.

— Хорошо. Объясняй.

Артём некоторое время молчал. Потом сел обратно, но уже не напротив неё, а сбоку, будто расстояние между ними стало слишком большим для разговора.

— Я не проснулся однажды с решением заменить тебя Кирой, — сказал он. — У нас с тобой были сложные годы.

Лариса почувствовала, как внутри сразу что-то насторожилось.

— Какие?

— Последние.

— Что именно было сложного?

— Мы отдалились.

— Когда?

— Постепенно.

— Артём, ты всю жизнь учишь людей говорить конкретно.

Он болезненно усмехнулся.

— Хорошо. Мы почти перестали разговаривать о чём-то кроме быта и работы. Ты была уставшая. Я постоянно отсутствовал. У нас стало меньше близости.

— И поэтому Кира.

— Я не сказал «поэтому».

— Пока.

— Я не перекладываю на тебя ответственность.

— Тогда не составляй список моих недостатков перед любовницей.

Артём сжал переносицу.

— Видишь, именно поэтому сейчас невозможно нормально говорить.

Лариса замерла.

— Что я вижу?

— Ты воспринимаешь любое объяснение как оправдание.

— Потому что ты объясняешь мне, почему завёл любовницу.

— Ты спросила.

— Я спросила, когда вы расставались.

Он прикрыл глаза.

— Хорошо. Я ушёл в сторону.

— Очень профессиональная формулировка.

— Лариса, хватит.

Впервые он сказал это жёстко.

Она удивилась и замолчала.

Артём тоже понял, что повысил голос. Несколько секунд между ними висела тишина.

— Прости, — сказал он. — Я почти не спал.

— Я тоже.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь. Ты спал в квартире, где нет двадцати семи лет твоей жизни в шкафах.

Он опустил взгляд.

Эта фраза получилась слишком красивой, и Ларисе самой не понравилась. Она отвернулась и открыла холодильник, лишь бы заняться чем-нибудь руками.

Торт снова оказался перед ней.

— Ты его будешь? — спросила она.

Артём не понял.

— Что?

— Торт.

— Сейчас?

— Ты его любишь.

— Лариса…

— Просто ответь.

Он покачал головой.

— Нет.

Лариса достала коробку и поставила на стол.

— Тогда надо кому-нибудь отдать.

— Отдай Свете.

— Возможно.

Она открыла крышку. На шоколадной поверхности золотой глазурью было написано: «Ларисе 50».

Артём посмотрел на надпись.

— Красивый.

— Твой любимый.

Он поднял взгляд.

— Почему мой?

— Потому что я выбрала шоколадный.

— Ты сама его ешь.

— Да. Но предпочитаю ягодный.

Артём нахмурился.

— Я не знал.

Лариса закрыла коробку.

Наконец-то.

Вот одна вещь, которой он о ней не знал.

Почему-то от этого стало легче.

— Видишь, — сказала она. — Всё-таки не всё.

— Что?

— Неважно.

Она убрала торт обратно.

Артём смотрел ей вслед.

— Я правда хочу, чтобы сегодня к тебе пришли люди.

— Не придут.

— Можно написать, что всё снова в силе.

— Нет.

— Почему?

Лариса обернулась.

— Потому что я не хочу смотреть на восемь человек и гадать, кто из них знает.

— Из тех, кого ты пригласила, никто.

— Ты уверен?

Он помолчал.

— Да.

— Вот теперь я совсем спокойна.

— Лариса, я не понимаю, чего ты от меня хочешь.

— Сегодня? Чтобы ты перестал решать за меня.

— Я ничего не решаю.

— Уже второе утро подряд ты объясняешь, как мне лучше провести собственный день рождения, где мне жить, чего бояться, кому рассказывать и когда объявлять о разводе.

Артём нахмурился.

— Я предлагаю варианты.

— Нет. Ты предлагаешь один вариант и удивляешься, почему я его не принимаю.

— Какой вариант предлагаешь ты?

Лариса открыла рот.

Ответа не было.

Она действительно пока не знала, что будет делать. Кому расскажет. Когда подаст на развод. Что станет с их общими друзьями. Сможет ли оставаться в этой квартире. Сможет ли вообще однажды спокойно смотреть на кухонный стол, не вспоминая вчерашний разговор.

Артём увидел её замешательство и сразу смягчился.

— Вот поэтому я и говорю, что не нужно сейчас торопиться, — сказал он. — Давай хотя бы несколько дней ничего не решать окончательно.

Лариса подняла на него глаза.

— А ты решил окончательно?

Он снова замолчал.

— Да.

— Тогда почему я должна ждать?

— Потому что для тебя это произошло вчера.

— А для тебя когда?

Он не ответил.

Лариса подошла к окну. На стекле таяли снежинки, оставляя прозрачные следы.

— Когда ты понял, что точно уйдёшь? — спросила она.

— Около месяца назад.

— А подарок купил две недели назад.

— Да.

— И гостиницу со мной выбирал три недели назад.

— Да.

— И на мероприятие «Тридцать лет вместе» согласился когда?

Артём помедлил.

— Окончательно формат утвердили примерно тогда же.

Лариса повернулась.

— То есть ты уже знал, что уйдёшь.

— Да.

— Но согласовал мероприятие о нашем браке.

— Проект начали готовить намного раньше.

— Можно было отказаться.

— Можно.

— Почему не отказался?

Артём несколько секунд смотрел на неё.

— Потому что это очень большой проект.

Наконец-то.

Без заботы о Ларисе.

Без команды.

Без цивилизованного развода.

Просто большой проект.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За нормальный ответ.

Он нахмурился.

— Я не скрывал, что он важен для меня.

— Вчера ты говорил о людях, которые вложили время, о команде, договорённостях. Сейчас сказал честно. Он важен тебе.

— Да. Очень.

— Настолько, что ты готов четыре месяца изображать мужа женщины, от которой уже решил уйти.

— Я не собираюсь ничего изображать.

— Тогда что ты будешь делать на сцене под надписью «Тридцать лет вместе»?

Артём выдохнул.

— Рассказывать о тридцати годах, которые действительно были.

Лариса повернулась к нему всем телом.

— И о Кире расскажешь?

Он сжал губы.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вечер не о ней.

— Но последние полтора года из этих тридцати она существует.

— Лариса…

— Что?

— Не всё в жизни обязано быть вынесено перед публикой.

— Особенно то, что мешает красивой истории.

— Да, — неожиданно ответил он. — Иногда именно так.

Она даже растерялась.

Артём продолжил, теперь уже спокойнее:

— Я не считаю, что обязан рассказывать незнакомым людям, с кем я сплю. И ты не обязана. Наши отношения были настоящими почти тридцать лет. Измена не отменяет всего, что существовало до неё.

— Но мероприятие называется не «Двадцать восемь с половиной лет вместе».

Он болезненно усмехнулся.

— Согласен.

— Тогда почему ты не видишь проблемы?

— Вижу.

— Но всё равно хочешь провести.

— Да.

Лариса смотрела на него и вдруг почувствовала почти физическое облегчение.

Вот он.

Настоящий Артём.

Не чудовище и не святой. Не человек, который хочет специально причинить ей боль. Просто мужчина, который прекрасно видит нравственную проблему и всё равно выбирает то, что выгоднее ему.

От этого становилось намного понятнее.

И намного страшнее.

— Ты уйдёшь к Кире после этих четырёх месяцев? — спросила Лариса.

— Не знаю.

— Она думает, что уйдёшь?

Артём отвёл взгляд.

— Мы это обсуждали.

— Конечно.

— Я не давал ей обещаний.

— Какая предусмотрительность.

— Я не хочу сейчас переезжать к ней сразу после нашего развода.

— Почему?

— Потому что это будет неправильно.

Лариса рассмеялась.

На этот раз почти весело.

— Ты потрясающий.

— Что опять?

— Полтора года спать с ней правильно. Сразу переехать — неправильно.

— Я не сказал, что правильно было спать.

— Но ты продолжаешь делить всё на правильные и неправильные шаги так, будто первый провал можно компенсировать безупречной хореографией после него.

Артём встал.

— Возможно, потому что другого уже не изменить.

— Вот здесь ты прав.

— Я хотя бы могу не сделать всё ещё хуже.

— Для себя.

— Для всех.

Лариса подняла палец.

— Снова.

Он остановился.

— Хорошо. Для себя тоже.

— В первую очередь.

Артём несколько секунд молчал.

— Да.

Это признание прозвучало негромко.

Лариса ожидала почувствовать удовлетворение, но ничего похожего не возникло.

— Вот теперь мне легче тебя понимать, — сказала она.

— Я не уверен, что это хорошо.

— Мне всё равно.

Телефон Артёма завибрировал на столе.

Он сразу посмотрел на экран.

Лариса тоже.

Имени не увидела, потому что телефон лежал под углом, но выражение его лица изменилось совсем немного. Этого хватило.

— Она? — спросила Лариса.

— Да.

— Ответь.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что я разговариваю с тобой.

— Очень благородно.

— Лариса, прекрати.

Она вдруг почувствовала усталость.

Настолько сильную, что спорить больше не хотелось. Вся ночь, слёзы, утро, букет, браслет, Кира, квартира, праздник — всё смешалось внутри в тяжёлую серую массу.

— Иди, — сказала Лариса.

Артём нахмурился.

— Мы не договорили.

— Я договорила.

— О чём?

— О сегодняшнем дне. Праздника не будет. Ты сюда вечером не приходишь.

— Хорошо.

— Браслет забери.

— Нет.

— Артём.

— Я его не заберу.

— Тогда выброшу.

— Выбрасывай.

Лариса посмотрела на него.

— Серьёзно?

— Это подарок тебе. Что ты с ним сделаешь после этого — твоё дело.

Она почувствовала новую волну раздражения.

— Даже тут последнее слово оставил себе.

— Я просто не буду забирать подарок.

— Потому что порядочный.

Артём устало вздохнул.

— Если тебе легче считать меня циничной сволочью, считай.

— Я пока ещё не решила, кем тебя считать.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— И правильно.

— Не надо одобрять.

— Прости.

Лариса провела ладонью по лицу.

— Иди.

Артём взял пальто.

Он не торопился. Надел его, поправил воротник, потом снова посмотрел на браслет, оставшийся на тумбе.

— Я заеду за остальными вещами не сегодня, — сказал он. — Напишу заранее.

— Хорошо.

— Если тебе понадобится что-нибудь…

Лариса закрыла глаза.

— Артём, пожалуйста.

— Хорошо.

Он взял шарф.

На этот раз не забыл.

У двери остановился.

— Я всё-таки скажу одну вещь.

Лариса посмотрела на него.

— Ты уже достаточно сказал.

— Возможно.

Он держался за ручку двери, но не открывал.

— Мы прожили очень хорошую жизнь.

Лариса молчала.

— Не идеальную, — продолжил Артём. — Но хорошую. И я не хочу, чтобы то, что я сделал сейчас, превратило всё это для тебя в сплошную ложь.

— Ты не можешь выбирать, во что это для меня превратится.

— Знаю.

Она чуть заметно усмехнулась.

— Пока не очень похоже.

Артём опустил голову.

— Может быть, однажды ты поймёшь, что я сейчас пытаюсь сказать.

— Что?

— Что мы можем закончить это, не уничтожая друг друга.

Лариса посмотрела на него долго.

— Ты уже выбрал, как закончить.

— Да.

— Тогда заканчивай свою часть сам.

Он открыл дверь.

Но перед тем как выйти, снова обернулся.

— Когда всё немного уляжется, ты ещё будешь благодарна нам обоим за то, что мы не позволили эмоциям уничтожить всё хорошее, что было между нами.

Лариса даже не сразу поняла, насколько сильно её задела эта фраза.

Не «может быть».

Не «я надеюсь».

Будешь благодарна.

Он уже знал, что она будет чувствовать потом.

Как знал вчера, чего она боится.

Как знал, что ей будет тяжело от чужого внимания.

Как знал, что нужно оставить ей квартиру.

Как знал, что лучше не отменять праздник.

Как знал, когда следует рассказать правду и когда обществу будет удобнее узнать о разводе.

Лариса подошла к двери.

— Артём.

Он остановился на площадке.

— Да?

— С днём рождения меня.

Несколько секунд он не понимал.

Потом лицо изменилось.

— Лара…

— Нет. Просто иди.

Она закрыла дверь.

На этот раз не стала ждать, повернётся ли ключ с другой стороны.

Около полудня приехала Света.

Лариса открыла дверь и сразу поняла, что подруга догадалась о серьёзности ситуации раньше, чем получила объяснение. Света стояла с пакетом еды, бутылкой шампанского и совершенно несчастным выражением лица. Она не принесла цветов, хотя собиралась вчера, и это Лариса почему-то оценила больше любого букета.

— Я предупреждала, что приеду, — сказала Света, проходя внутрь. — Так что не изображай удивление. У меня сыр, мандарины, какая-то дорогая колбаса, которую я купила в состоянии паники, и шампанское.

— Почему колбаса?

— Не знаю. Я испугалась за тебя.

Лариса впервые за утро засмеялась без боли.

— Отличная логика.

— Я человек простой. Если кому-то плохо, его нужно кормить.

Света прошла на кухню, увидела букет и остановилась.

— Это он?

— Да.

— Красивый.

— Угу.

— Ненавижу красивые букеты в плохие дни.

Лариса села за стол.

Света начала выкладывать продукты, но быстро поняла, что хозяйка не собирается помогать.

— Что случилось? — спросила она наконец.

На этот раз Лариса ответила.

— У Артёма другая женщина.

Света замерла с упаковкой сыра в руках.

— Что?

— Полтора года.

Сыр медленно опустился на стол.

— Я его убью.

Лариса почти улыбнулась.

— В очередь.

— Ты серьёзно?

— К сожалению.

Света села напротив.

— Кто?

— Кира.

— Какая Кира?

— Продюсер.

— Та темненькая?

Лариса подняла брови.

— Ты её помнишь?

— Конечно. Я была на презентации.

Вот и ещё один человек, который видел Киру.

Лариса почувствовала неприятный укол.

— Да. Она.

Света несколько секунд молчала, потом выругалась так грубо, что в другой день Лариса сделала бы замечание.

— И он ушёл?

— Да.

— К ней?

— Пока в рабочую квартиру.

— Как благородно.

— Не начинай. У меня на сегодня уже перебор благородства.

Света посмотрела на букет.

— А это зачем?

— День рождения.

— То есть он изменяет полтора года, уходит, а утром приезжает поздравлять?

— С браслетом.

Лариса кивнула в сторону тумбы.

Света сходила посмотреть, вернулась через минуту и села ещё мрачнее.

— Дорогой?

— Очень.

— Сволочь.

— Почему?

— Потому что дешёвый можно было бы выкинуть без сожалений.

Лариса рассмеялась снова.

На этот раз смех перешёл в слёзы неожиданно и совершенно без предупреждения.

Света тут же пересела ближе, но не стала говорить ничего правильного. Просто обняла её за плечи и ждала.

Лариса плакала недолго.

Потом вытерла лицо салфеткой.

— Он хочет, чтобы я четыре месяца молчала.

Света медленно отодвинулась.

— Что?

И Лариса рассказала всё.

Про мероприятие.

Про книгу.

Про график.

Про финальное обращение.

Про несколько человек из команды, которые знали.

Про Киру, узнавшую о решении Артёма за три недели до собственной жены.

Света слушала без перебивания, только лицо становилось всё мрачнее.

Когда Лариса закончила, подруга некоторое время сидела совершенно неподвижно.

— Знаешь, что самое мерзкое? — спросила она.

— Что?

— Он наверняка считает себя хорошим человеком.

Лариса посмотрела на неё.

Эта простая фраза попала куда-то очень точно.

— Да, — сказала она. — Именно.

Света взяла бутылку шампанского.

— Открываем.

— Сейчас двенадцать дня.

— У тебя пятьдесят лет и муж идиот. Это уважительная причина.

— Он не идиот.

— Ещё хуже.

Пробка выстрелила в потолок. Света испуганно пригнулась, потом обе рассмеялись.

Они пили шампанское из обычных стаканов, потому что Ларисе не хотелось доставать бокалы. Съели немного сыра, потом всё-таки открыли торт. Света заявила, что надпись «Ларисе 50» нужно уничтожить первой, и вырезала именно этот кусок.

Шоколадный торт оказался слишком сладким.

— Я вообще больше люблю ягодные, — сказала Лариса с полным ртом.

Света удивлённо посмотрела на неё.

— А почему всегда покупаете шоколадные?

Лариса медленно прожевала.

— Артём любит.

Обе замолчали.

Потом Света подняла стакан.

— Следующий купим ягодный.

Лариса посмотрела на неё и кивнула.

Это не было великим решением.

Не началом новой жизни.

Просто следующий торт будет ягодным.

Пока этого было достаточно.

Света уехала около четырёх. Перед уходом заставила Ларису пообещать, что вечером та не будет отвечать Артёму, если разговор не срочный, и забрала половину торта. Браслет остался на тумбе. Лариса несколько раз проходила мимо него, но не убрала.

К вечеру квартира снова погрузилась в тишину.

Поздравления продолжали приходить.

Лариса отвечала коротко. Иногда даже улыбалась. Татьяна прислала видео от коллег, где все хором кричали «пятьдесят — это новые сорок», после чего кто-то за кадром возмутился избитой фразой и потребовал начать заново. Лариса посмотрела ролик дважды.

Около семи она почувствовала голод и впервые за день нормально поела.

Потом убрала кухню.

Поставила цветы Артёма в гостиную, потому что выбрасывать живые цветы всё-таки было жалко.

В восемь часов Лариса села на диван и машинально открыла социальную сеть.

Первым ей показали поздравление от официальной страницы Артёма.

Она даже не сразу поняла, что смотрит на себя.

Это была фотография двухлетней давности. Лариса и Артём стояли на набережной, ветер растрепал ей волосы, поэтому она смеялась и пыталась придержать их рукой. Артём смотрел не в камеру, а на неё.

Фотография была хорошая.

Очень живая.

Под ней стояло:

«Сегодня день рождения у человека, который почти тридцать лет идёт рядом со мной. Лариса, спасибо за мудрость, терпение, поддержку и за всё, чему мы научились друг у друга. С юбилеем».

Лариса перечитала.

Пост был опубликован утром.

До их разговора.

До цветов.

До браслета.

До того, как он снова предлагал ей оставить праздник.

Комментарии заполнялись поздравлениями.

«Какая прекрасная пара!»

«Вот на кого нужно равняться».

«Счастья вам ещё на тридцать лет!»

«Спасибо, что показываете пример настоящей зрелой любви».

Лариса почувствовала, как пальцы начинают холодеть.

Она уже хотела закрыть страницу, когда ниже появилась реклама.

Алгоритм, как назло, решил, что если женщина смотрит публикацию собственного мужа, то её наверняка заинтересует и его новый проект.

Экран сменился.

Их лица снова оказались рядом.

Артём в тёмном костюме. Лариса в синем платье. Между ними крупная надпись:

«ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ВМЕСТЕ».

Ниже шёл текст:

«Любовь после пятидесяти. Как сохранить близость, когда меняются люди, тело, желания и сама жизнь. Большой разговор Артёма и Ларисы Соколовых о браке, который выдержал время».

Лариса не двигалась.

Реклама была запущена ещё вчера.

Наверное, давно стояла в очереди на публикацию. Возможно, Артём даже не видел именно этот вариант. Это не имело значения.

«Брак, который выдержал время».

Лариса приблизила фотографию пальцами.

Она помнила тот вечер. Помнила синее платье. Артём перед выходом застегнул ей молнию на спине и поцеловал в шею. Потом они ехали в машине, он положил руку ей на колено, а Лариса отчитывала его за слишком быструю езду.

Кира тогда уже существовала.

Полтора года.

Лариса посмотрела на дату фотографии.

Да.

Существовала.

Под рекламой появилась первая реакция незнакомой женщины:

«Какие вы настоящие. Сразу видно, что столько лет вместе не зря».

Лариса долго смотрела на эти слова.

Потом открыла страницу Артёма ещё раз.

Фотографии.

Совместные поездки.

Годовщины.

Праздники.

Отрывки выступлений.

Во многих публикациях он говорил о Ларисе.

«Мы с женой…»

«За годы нашего брака…»

«Лариса научила меня…»

Раньше она читала это с лёгкой гордостью и иногда с раздражением, если Артём рассказывал слишком личное.

Сегодня каждая такая фраза звучала иначе.

Лариса закрыла приложение.

Потом почти сразу открыла снова.

Нашла рекламу «Тридцать лет вместе».

Посмотрела на собственное улыбающееся лицо.

И впервые подумала не о Кире.

Не о возрасте.

Не о том, почему муж выбрал другую.

Она подумала о женщине на фотографии.

Та ещё ничего не знала.

Но её брак уже использовали как красивую историю.

А мужчина рядом уже знал, что уйдёт.

Глава 3. Наша счастливая семья

В понедельник утром Лариса пришла на работу на двадцать минут раньше обычного и почти сразу пожалела об этом. В пустом ЗАГСе было слишком тихо, а тишины за последние два дня ей хватило настолько, что теперь хотелось услышать хоть что-нибудь человеческое: шаги по коридору, звон телефона, недовольный голос посетителя, которому опять не понравилось время записи. Вместо этого в большом холле гудели только лампы под потолком, уборщица таскала ведро где-то возле служебного входа, а из приоткрытой двери церемониального зала пахло цветами, оставшимися после субботних свадеб.

Лариса сняла пальто, повесила его в маленьком кабинете и несколько секунд разглядывала своё отражение в узком зеркале возле шкафа. За воскресенье отёк вокруг глаз почти сошёл. Она специально легла пораньше, хотя большую часть ночи всё равно не спала, а утром потратила на макияж больше времени, чем обычно, потому что совершенно не хотела отвечать на вопросы вроде «ты плохо себя чувствуешь?». В пятьдесят лет человек уже достаточно хорошо умеет прятать бессонную ночь под тональным кремом, если жизнь заставляла его делать это несколько раз. Лариса накрасила губы, поправила волосы и решила, что выглядит вполне прилично для женщины, которой два дня назад муж сообщил о полутора годах измены, а вчера предложил сохранить их счастливый брак ещё на четыре месяца ради красивой афиши.

На столе лежал букет от коллег. Тот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.